

Китайские народные сказки

Птица Чжаогу

Жила когда-то на свете злая-презлая старуха. Были у нее сын да дочь-невеста. Женился сын, вскорости после женитьбы за Великую стену в восточные края ушел, и начала старуха всячески над невесткой измываться. Только дочку свою лелеяла да любила.

Скажет, бывало, старуха:

— Съешь-ка, доченька, еще белых лепешек, супу отведай, он из мелкого пшена сварен!

А дочка нет-нет да и сунет невестке несколько белых лепешек. Уставится старуха зло на невестку и ворчит:

— Ну и ешь ты, ну и пьешь! Да на тебя лепешек из отрубей и то не напасешься!

Ни еды хорошей, ни одежды не давала свекровь бедной невестке, только била ее да браница с утра до вечера.

В тот год развела старуха видимо-невидимо шелковичных червей. Посмотришь — глазом всех не окинешь, считать станешь — не сочтешь. Каждый день до свету старуха невестку в горы гонит собирать тутовый лист. Собирает она день, собирает другой, солнце высоко, до вечера далеко, с тутовых деревьев почти все листья оборваны, того и гляди голыми останутся. А шелкопряды все крупнее, все жирнее делаются. В четвертом месяце стали светлеть личинки шелкопрядов.

Набросаешь листьев, только и слышно, как они шуршат: ша-ла, ша-ла; оглянуться не успеешь — ни одного листочка нет, все подчистую личинки съели. Еще набросаешь — ша-ла, ша-ла, и опять ни листочка нет.

Собралась невестка в горы за листьями, а свекровь в нее пальцем ткнула да как закричит:

— Невестка в хозяйстве все равно что лошадь. Захочу — верхом на ней ездить буду. Захочу — побью. Попробуй только вернись без тутовых листьев! Плеткой тебя отхлестаю, палку об тебя обломаю, три дня есть не дам, пять дней спать не велю!

Посмотрела зло старуха невестке вслед, обернулась, видит — родная дочь шелкопрядов с земли поднимает. Взяла старуху жалость, ну, прямо мочи нет, и говорит она:

— Славная ты моя доченька! Отдохни! Воротится невестка, все сделает. Может, попить тебе хочется? Или поесть? Я супу в кotle припасла, на котел белую лепешку положила.

А дочка у старухи, надобно сказать, была писаной красавицей, да и нравом на мать ничуть не похожа, жаль ей жену старшего брата. Услыхала она материны слова, обернулась и говорит:

— Чем же я лучшие невестки, чтоб работу ей оставлять?

Услыхала старуха, что дочь ей перечит, замахнулась — да не ударила, рот открыла — да не обругала: жаль ей дочь родную. Махнула с досады рукой и ушла.

А невестка между тем до гор добралась, стала тутовый лист искать. Солнце жаркое, горы крутые, пока с Южной горы вскарабкалась на Восточную, с Восточной на Северную, полдень настал, а в корзине у нее всего-навсего горсточка листьев. Притомилась бедная женщина, села у дороги и плачет.

А старухина дочь подняла шелкопрядов, корму им подбросила, сама все думает: «Как-то там невестушка в горах, нарвала листьев, или с пустыми руками воротится? Всегда-то я о ней пекусь, а сегодня сердце так и колотится, так и прыгает, изголодалась она там в горах, бедная!» Подумала так девушка, взяла белую лепешку, которую ей мать припасла, в кастрюлю супу налила, из мелкого пшена сваренного, потихоньку в горы отправилась. Вдруг видит — сидит невестушка у дороги и горько плачет. Схватила она ее за руку и говорит:

— Не плачь, невестушка! Я тебе лепешку принесла, из белой муки испеченную, супу, из мелкого пшена сваренного. Утоли ты свой голод да жажду!

Отвечает ей невестка, слезами горькими обливается!

— Жажда меня замучает — я ключевой воды напьюсь, голод одолеет — горьких трав поем.

Опять спрашивает ее девушка:

— Что ты пригорюнилась, невестушка, не таись от меня, расскажи обо всем, я ведь знаю твоё сердце!

Отвечает ей невестка, слезами горькими обливается:

— Я, сестрица, всю Южную гору исходила, всю Северную гору вдоль и поперек прошла, всего несколько тутовых листьев нашла. Только дубовых много попадается. Не знаю, как твоей матери на глаза покажусь!

Причесала девушка невестке волосы, вытерла ей слезы и говорит:

— Не бойся, невестушка, съешь лепешку, супу попей, и пойдем мы с тобой вместе тутовый лист собирать.

Насилу уговорила девушка невестку кусочек лепешки съесть да супу немного выпить. И отправились они вдвоем тутовые листья искать.

Идут, разговор меж собой ведут, то в глубокое ущелье забредут, то на самую вершину горы заберутся. Все горы обошли, все хребты облазили, одни дубы попадаются, тутов совсем не видать. Смотрит невестка — вот-вот солнце за горы спрячется, и говорит сквозь слезы:

— Скоро стемнеет, сестрица. Волки из логова выйдут, тигры пещеры покинут. Воротись-ка ты, милая сестрица, домой поскорее!

А та ей в ответ:

— Скоро стемнеет, невестушка! Волки из логова выйдут, тигры пещеры покинут, давай, милая невестушка, вместе домой воротимся!

Посмотрела невестка на пустую корзинку и говорит:

— Я, сестрица, еще подожду малость. Может, сжалится надо мной горный дух и превратит дубовые листья в тутовые.

Отвечает ей девушка:

— И я, невестушка, с тобой подожду. Может, надо мной сжалится дух горный и превратит дубовые листья в тутовые.

Взялись они за руки, прижались тесно друг к дружке, стали с горы спускаться. До горного родника дошли, еще одну гору обошли, все хребты обыскали — нет нигде тутовых листьев, только дубовые попадаются. Смотрит невестка — солнце за горой скрылось, спряталась она за девушкину спину, вытерла слезы и говорит:

— Видишь, сестрица, как небо потемнело, скоро луна взойдет. Слыхала я, будто на этой горе сам Князь гор живет, нос у него красный, глаза зеленые. Добрая сестрица! Ты ведь совсем молоденькая, иди-ка лучше домой поскорее!

Отвечает ей девушка:

— Видишь, невестушка, как небо потемнело, скоро луна взойдет. И я слыхала, что у Князя гор нос красный, а глаза зеленые. Давай вместе домой воротимся!

Поглядела невестка на чистый, прозрачный родник и говорит:

— Подожду-ка я здесь еще малость, может, сжалится надо мной дух воды и превратит дубовые листья в тутовые.

Отвечает ей девушка:

— И я с тобой подожду, может, надо мной сжалится дух воды и превратит дубовые листья в тутовые.

Взялись они за руки, тесно прижались друг к дружке и пошли прочь от родника. До опушки горного леса дошли. Все горы обошли, все хребты обыскали, не видно нигде тутовых деревьев, одни дубы попадаются.

Увидела невестка, что луна взошла, и опять тревога ее одолела. Принялась она девушку уговаривать, чтоб домой воротилась. А та и слушать не хочет. Заплакала невестка. Девушку тоже

тревога одолела: луна взошла, а у невестки в корзинке совсем пусто. Тут задул-засвистел южный ветер: у-у. Зазвенела вода в ущелье: дин-дан. Подняла девушка голову и крикнула:

— Князь гор! Князь гор! Преврати дубовые листья в тутовые, я тогда за тебя замуж пойду!

Только она умолкла, зашелестели листья на дубах. Выпрямилась девушка и во второй раз крикнула:

— Князь гор! Князь гор! Преврати дубовые листья в тутовые, я тогда за тебя замуж пойду!

Только она умолкла, заколыхались, заметались ветви на дубах. И в третий раз крикнула девушка:

— Князь гор! Князь гор! Преврати дубовые листья в тутовые, я тогда за тебя замуж пойду!

Только она умолкла, налетел на равнину ураган, небо и землю черной пеленой окутал, шумит все вокруг, гудит. Вдруг ветер стих, луна из-за туч выплыла. А на месте дубов сплошь туты стоят. Смотрят девушка да невестка на диво дивное, не нарадуются. Руками взмахнули и принялись листья рвать. Листья зеленые, ну прямо изумруд, каждый величиной с ладонь будет. Только начали собирать, а уж корзинка доверху полна. Подняли они ее вдвоем и стали спускаться с горы.

А старуха дома мечтается, не знает, куда дочь подевалась. И уж так обрадовалась, когда чадо свое увидела, будто клад бесценный нашла. А невестку увидела — показалось старухе, будто гвоздь ей прямехонько в глаз воткнули. На тутовые листья не глядит, знай ругается, зачем ее дочь с собой в горы увела. И в наказание не велела невестке спать ложиться, велела всю ночь шелковичных червей стеречь.

На другой день невестка опять пошла в горы за листьями, а девушка ей туда лепешку из белой муки отнесла. На горах, на хребтах ни одного дуба не видно, везде туты растут. Вскорости червяки нитку выплевывать стали, начали коконы из нее плести.

И вот однажды, когда невестка со старухиной дочкой дома сидели, коконы разматывали, приплыли с северо-запада черные тучи, а за ними вслед черный вихрь прилетел, одним концом в самое небо уперся, другим — по земле мести стал. Деревья раскачивает, с корнем из земли вырывает, крыши с домов уносит. Девушка и охнуть не успела, как вихрь закружил ее и с собой умчал. Заметалась невестка, даже заплакала. Бросилась вслед черному вихрю, а он ей под ноги деревья да ветки бросает, чтоб всю ее исцарапали, песок да камни кидает, чтоб руки ей изранили. А она все бежит. Упадет, встанет на ноги, снова бежит. Себя не помнит, вихрь догоняет, кричит:

— Князь гор, отдай мою сестрицу!

Умчался черный вихрь в горы, невестка — за ним. Здесь горемычной туты глаза застили, и не заметила она, куда черный вихрь вдруг исчез. Ищет она на Передней горе, бредет по Западной горе, толстые крепкие подошвы протерла. Ищет день, ищет ночь, колючий терновник платье ей в ключья изорвал. Ищет, ищет, никак не найдет свою сестричку. Даже на след ее напасть не может.

Прошла весна, миновало лето, осень пришла. Каждая травинка в горах знала, что бедная женщина свою сестрицу ищет, и под ноги ей стелилась, чтоб мягче было ходить. Знала про это и каждая яблоня в горах и протягивала бедной женщине свои ветки со спелыми плодами. И все птицы про это знали. И решили они от холодов ее спасти. Выщипали они у себя пух, вырвали перья и бросили их невестке. Закружились пух и перья снежинками, прикрыли бедную женщину.

На другой день подул северный ветер, и обернулась невестка красивой птичкой, на теле у нее пух и перья выросли. Летает она и кричит:

— Чжао гу, чжао гу! Ищу сестру, ищу сестру!

Прошли холода, опять весна наступила. А красивая птичка все летает среди изумрудных тутов и кричит:

— Чжао гу, чжао гу! Ищу сестру, ищу сестру!

Летает птичка над бескрайними полями, летает по синему небу с белыми облаками и кричит:

— Чжао гу, чжао гу! Ищу сестру, ищу сестру!

Сколько месяцев прошло, сколько лет миновало, а она все летает и кричит. Жалко людям птичку, и прозвали они ее Чжаогу — ищу сестру!